

DOI 10.22394/1818-4049-2019-88-3-92-96

УДК 314.7(571.6)

В. В. Зубков

Миграционный потенциал регионального сообщества как социальный конструкт сознания и реальность бытия

В статье представлена характеристика миграционного потенциала регионального сообщества как социального конструкта, созданного на теоретическом уровне для объяснения миграционных перемещений, которые в последующем реализуются в жизненных стратегиях на примере дальневосточного населения. В качестве детерминант миграционного потенциала как социального конструкта определено влияние «выталкивающих» и «притягивающих» факторов на субъективные представления жизнедеятельности населения разных возрастных когорт. С учетом методологии социального конструктивизма определена прикладная роль социального конструкта миграционного потенциала регионального сообщества как инструмента корректировки государственной политики в отношении дальневосточного населения России.

Ключевые слова: миграционный потенциал, социальный конструкт, региональное сообщество, миграционные намерения, Дальний Восток России, социальный конструктивизм.

Изучению миграционного потенциала в последние годы посвящен довольно внушительный объем научных работ и исследований. Вместе с тем категория «миграционный потенциал» в абсолютном большинстве случаев использовалась отечественными демографами и социологами при оценке миграционных процессов, обусловленных территориальной подвижностью населения, и «... как возможная компонента демографического развития Российской Федерации в условиях депопуляции, которая неизбежно опять вернется на ее территорию в ближайшие годы» [Гришанова, Кожевникова, 2016].

В данном направлении стоит отметить конкретный вклад в разработку конструкта «миграционный потенциал», а также методологических подходов и методики его измерения Л. А. Рыбаковского, который определял его как «... ту часть населения, которая приходится на соотечественников, имеющих право на российское гражданство и помощь в переселении на историческую роди-

ну» [Рыбаковский, 1996]. Ему принадлежит заслуга в обосновании критериев оценки миграционного потенциала, а также расчеты в странах нового зарубежья [Рыбаковский, 2011]. Теоретически близким к этой интерпретации можно отнести определение «миграционного потенциала», обозначенное в работах В. И. Мукомеля, который отмечает, что под этим термином можно рассматривать часть всего населения стран нового зарубежья, желающую покинуть страну [Мукомель, 2001].

Свою формулировку «миграционного потенциала», но уже без привязки к постсоветскому пространству, дает О. Д. Воробьева, которая предлагает считать «... возможную в данный момент численность населения, которая может в качестве эмигрантов выехать из страны проживания, при условии сохранения значимости и структуры выталкивающих и притягивающих факторов» миграционным потенциалом страны, принимающей эмигрантов [Миграция населения..., 2013].

Владимир Владимирович Зубков – доцент кафедры публичного и частного права, Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, заместитель председателя общественного совета при комитете по внутренней политике, Правительство Хабаровского края (680000, Россия, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, д. 33, ул. Карла Маркса, д. 56). E-mail: zubkovvv89@mail.ru

Анализ представленных в научных источниках определений и подходов к измерению данного конструкта в работах других отечественных демографов и социологов (Г. С. Витковская, А. Г. Вишневский, Т. Н. Юдина) позволяет трактовать миграционный потенциал как совокупность потенциальных мигрантов, обладающих накопленным собственным (и окружающих людей) опытом переселений, обуславливающим их способность к перемене места жительства [Гришанова, Кожевникова, 2016].

Вместе с тем изменение характера миграционных процессов в России в 2000-е гг. за счет снижения масштабов международной миграции и сокращения притока русскоязычных мигрантов определило новый вектор научного знания о миграционном потенциале. Миграционные процессы внутри государства, обусловленные перемещением городского и сельского населения в наиболее привлекательные для проживания регионы России, заставляют задуматься о миграционном потенциале как о социальном конструкте, представленном социальными практиками населения.

Учитывая масштабы потерь населения некоторых регионов России, а также усиливающуюся деформацию социальной структуры региональных сообществ и ее негативное влияние на социально-экономическое развитие территорий, на первый план сегодня выходит социальный мониторинг явных и латентных миграционных намерений у населения, выражающих решимость и готовность покинуть пределы территории постоянного места жительства [Зубков, 2019].

В связи с тем, что миграционные процессы могут иметь неоднозначные, а иногда и сложно прогнозируемые экономические и социальные последствия для страны в целом и для каждого ее региона, в частности, оценка миграционного потенциала населения регионов России превращается в задачу не только научного и методологического порядка, но и приобретает прикладной характер. Социологическая диагностика миграционного потенциала населения выступает инструментом изучения региональных сообществ с целью дальнейшего воздей-

ствия на процессы внутренней миграции в России.

Вместе с тем стоит отметить, что миграционный потенциал разных возрастных когорт может быть реализован за счет скрытых возможностей, которые при определенных условиях могут быть реализованы в акте миграционного поведения, а не субъективных представлений сознания (намерений, ожиданий, мотивов и т. д.).

С этих позиций миграционный потенциал можно представить в виде социального конструкта, позволяющего объяснить миграционное поведение индивида, обусловленного как условиями объективной реальности, так и субъективными факторами. Данный подход позволяет интерпретировать все происходящее в регионе миграционные процессы путем определения детерминирующих условий, формирующих окружающую действительность индивида.

Миграционный потенциал как социальный конструкт определяется наличием у индивида таких характеристик, как миграционные установки, ориентиры и ожидания, миграционный опыт и субъективные оценки условий для проживания, которые актуализированы в сознании и поведении различных групп населения. При создании или сохранении неадекватных мер государственной политики, созданный на теоретическом уровне социальный конструкт «миграционный потенциал» становится реальным в той степени, в какой оказывает влияние на окружающий мир и объективируется в социальных практиках, не связанных с привязанностью к территории проживания.

Следовательно, такое теоретическое определение реальности как «миграционный потенциал», кажущееся, на первый взгляд, научным или философским термином, является реальным для членов общества и выражается в конкретных поведенческих стратегиях.

Термин «социальный конструкт» ввели в научный оборот Питер Бергер и Томас Лукман, которые использовали его как инструмент познания мира, формирующий реальность [Бергер, Лукман, 1995]. В рамках данной методологии все

социальные явления, в том числе феномены, провозглашаются социальными конструктами. Вместе с тем, социальный конструкт призван структурировать и придать форму бесформенному и бесструктурному, по-новому взглянуть на привычные общественные практики [Латур, 2002].

Придерживаясь конструктивистской методологии, можно рассматривать миграционный потенциал дальневосточного населения как процесс конструирования в общественном сознании регионального сообщества, особенно среди трудоспособного и обладающего мобильностью миграционных намерений и готовности их реализовать при доминировании на территории проживания «притягивающих» факторов над «выталкивающими». При этом условия социального конструирования обусловлены критическим неприятием условий жизнедеятельности, заданных государственной политикой федерального и регионального уровней. От органов государственной власти требуется принятие новой конструктивной парадигмы понимания и решения проблемы миграционного оттока дальневосточного населения, особенно молодежи. Ее основой должно стать создание таких «притягивающих» факторов на дальневосточных территориях, которые могут сформировать у местного населения осознание своей востребованности на рынке труда, доступности жилья, качества услуг образования и здравоохранения, достойной среды жизнедеятельности для своих семей и детей. Позитивные ожидания от достойного социально-экономического существования, реальная практика органов власти и социальная направленность бизнеса, новые возможности для самореализации будут способствовать формированию социального конструкта «миграционного потенциала» с положительным знаком, закрепляющие местное население и притягивающие с трудоизбыточных территорий и стран.

Согласно конструктивистскому подходу, мы можем определить миграционный потенциал как конструкт, обладающий собственной структурой, как специфическую форму восприятия, конструируемую на уровне коллективного и ин-

дивидуального сознания о возможностях региона проживания по обеспечению своих потребностей в комфортной жизни и работе. В этом случае предметом социального конструирования становятся повседневные практики в структуре миграционного потенциала: установки, ориентации, предпочтения, ожидания, миграционная мотивация, субъективные оценки условий для жизни и работы.

Особенностью применения методологии социального конструктивизма является перенос акцента исследований с изучения социальных явлений в чисто объективистской трактовке на представление этих самых явлений в сложном динамичном комплексе (социальном конструкте), в котором увязаны, переплетены в сложное противоречивое единство объектные и субъектные параметры этого сложного социального процесса [Зуева, Шкилева, 2014]. На первый план выходят не условия объективной реальности, характерные для территории проживания и выступающие «выталкивающими» факторами, а сформированные у представителей разных возрастных когорт субъективные оценки условий жизни в регионе и миграционные намерения, которые являются результатом столкновения социальных потребностей индивида и объективных условий жизнедеятельности. В тесном единстве переплетаются объективные факторы, обусловленные жизнедеятельностью индивидов, и субъективные – в форме проявления индивидуальной реакции на эти условия.

Социальный конструкт – это не объективистская, а субъектно-деятельностная интерпретация и оценка социальных явлений. В этой связи основной акцент в социологической диагностике миграционного потенциала местных сообществ должен быть сделан не на констатации социальных фактов как актов миграционных перемещений и их объемов, а на уяснении детерминант миграционного поведения и оценке возможных социальных деформаций внутри региона. Миграционные стратегии не заложены у человека на поведенческом уровне еще на стадии рождения, а формируется им в процессе его жизнедеятельности в регионе проживания.

Благодаря методологии социального конструктивизма, можно также утверждать, что формирование миграционного потенциала – это не моментное явление – срез жизненных стратегий и социальных практик по поводу переезда из региона проживания. Это, прежде всего, сложный процесс, приводящий к трансформации социальной структуры общества через изменение количественных и качественных характеристик населения и имеющихся социальных связей внутри социально-демографических групп. Таким образом, формируется понимание миграционного потенциала как социального конструкта, обусловленное возможностью предвидения событий, конструируя их повторяемость.

Вместе с тем в методологических подходах четко определена роль социальных конструктов как искусственных образований со служебными операциональными функциями. На теоретическом уровне конструкт выступает в роли фундаментальной категории, из которой исходят конкретные представления о механизмах социального действия. Однако нельзя забывать, что социальный конструкт всегда искусственен и создан для решения собственно прикладных задач как инструмент познания и объяснения социальных фактов и процессов, являющихся предметом познания.

С этих позиций понимание миграционного потенциала регионального сообщества как социального конструкта возможно для объяснения наличия достаточно высокого уровня миграционных намерений, которые реализуются в жизненных стратегиях перемещения жителей дальневосточных территорий и их дальнейшим «опустыниванием». В свою очередь, социологический подход к изучению и измерению этого социального конструкта в режиме мониторинга может стать не только инструментом получения достоверного и обоснованного знания новой социальной реальности,

но и основой для корректировки государственной политики создания условий для комфортного проживания дальневосточников на территориях своей жизнедеятельности.

Список литературы:

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : «Медиум», 1995. 323 с.
2. Гришанова А. Г., Кожевникова Н. И. Миграционный потенциал: теоретические аспекты // Народонаселение. 2016. № 1-1. С. 42–51.
3. Зубков В. В. Миграционные представления населения: декларируемая тенденция или объективная реальность // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 2 (87). С. 85–92. DOI 10.22394/1818-4049-2019-87-2-85-92
4. Зуева Т. М., Шкилева Е. М. Методологические постулаты социального конструктивизма в анализе властных отношений // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 3 (25). С. 267–270.
5. Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир. М. : Логос, 2002. № 5-6 (35). С. 1–32.
6. Миграция населения: теория и практика / под ред. О. Д. Воробьевой, А. В. Топилина. М. : Экономическое образование, 2012. С. 341.
7. Мукомель В. И. Миграционный потенциал и перспективы иммиграции соотечественников из государств СНГ и Балтии // Этнопанорама. 2001. № 3. С. 47–59.
8. Рыбаковский Л. Л. Миграционный потенциал русского населения в странах русского зарубежья // Социологические исследования, 1996. № 11. С. 31–41.
9. Рыбаковский Л. Л. Миграционный потенциал: критерии оценки и современные масштабы // Социологические исследования. 2011. № 4. С. 23–34.

Библиографическое описание статьи

Зубков В. В. Миграционный потенциал регионального сообщества как социальный конструкт сознания и реальность бытия // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 3 (88). С. 92–96. DOI 10.22394/1818-4049-2019-88-3-92-96

Vladimir V. Zubkov – Associate Professor of the public and private law chair, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA The vice-chairman of the public council at the committee on domestic policy of the Government of the Khabarovsk territory (33, Str. Muravyev-Amurskiy, Khabarovsk, 680000, Russian Federation). *E-mail: zubkovvv89@mail.ru*

Migration potential of the regional community as a social construct of consciousness and reality of being

The article presents the characteristic of migration potential of the regional community as a social construct created at the theoretical level to explain the migration movements that are subsequently implemented in the life strategies using the example of the Far-Eastern population. As the determinants of migration potential as a social construct, the influence of “pushing” and “attracting” factors on the subjective representations of the life of population of different age cohorts is determined. Taking into account the methodology of social constructivism, the applied role of the social construct of migration potential of the regional community as an instrument for adjusting the state policy in relation to the Far-Eastern population of Russia is determined.

Keywords: migration potential, social construct, regional community, migration intentions, the Russian Far East, social constructivism.

References:

1. Berger P., Luckman T. Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge. M.: Medium, 1995, p. 332. (In Russian).

2. Grishanova A. G., Kozhevnikova N. I. Migration potential: theoretical aspects *Narodonaseleniye* [Population], 2016, no. 1-1, pp. 42–51. (In Russian).

3. Zubkov VV. Migration representations of the population: the declared trend or objective reality *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and management in the East of Russia], 2019, no 2 (87), pp. 85–92. DOI 10.22394 / 1818-4049-2019-87-2-85-92 (In Russian).

4. Zueva T. M., Shkileva E. M. Methodological postulates of social constructivism in the analysis of power relations *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and socio-educational thought], 2014, no. 3

(25), pp. 267–270. (In Russian).

5. Latour B. Give me a laboratory and I will turn the world upside down. M.: Logos, 2002, no. 5-6 (35), pp. 1–32. (In Russian).

6. Migration: theory and practice / ed. O.D. Vorobyeva, A.V. Topilina. M.: Economic Education, 2012.S. 341. (In Russian).

7. Mukomel V. I. Migration potential and prospects of immigration of compatriots from the CIS and Baltic states *Etnopanorama* [Ethnopanorama], 2001, no. 3, pp. 47–59. (In Russian).

8. Rybakovsky L. L. The migration potential of the Russian population in the countries of the Russian foreign countries *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological studies], 1996, no. 11, pp. 31–41. (In Russian).

9. Rybakovsky L. L. Migration potential: evaluation criteria and modern scales *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological studies], 2011, no. 4, pp. 23–34. (In Russian).

Reference to the article

Zubkov V. V. Migration potential of the regional community as a social construct of consciousness and reality of being // Power and Administration in the East of Russia. 2019. No. 3 (88). Pp. 92–96. DOI 10.22394/1818-4049-2019-88-3-92-96